

Colonel d'Infanterie de Ligne - 1812

Фузилер линейной пехоты в униформе для кампании
в конце империи (рисунок Жоба)

Солдатская дорожная фляга 57-го линейного
(частная коллекция)

Каска и эспонтоны орлоносца, использованные
в кампании в России (частная коллекция)

111-й линейный во время кампании в России

111-й полк линейной пехоты проделал кампанию в России в 1812 г. Среди его офицеров находился Симон Луи Гардье, который ежедневно делал записи в свой подорожный журнал (*carnet de route*). Благодаря этим *Мемуарам*, находящимся сегодня в библиотеке Макона, мы можем проделать кампанию вместе с ним: переправиться через Неман, сражаться под Москвой, побывать в Москве, проделать отступление, перейти через Березину и возвратиться в Майнц, часть пешком, частью на лошади, частью в повозке.

Профессор Алэн Пижар

Фото автора

В 1810-1812, когда французская империя находилась в апогее своего политического могущества и географического расширения, Наполеон организовал огромную армию для вторжения в Россию. Это была вторая «Великая армия», силою более полумиллиона человек, размещенная под непосредственным командованием императора. В июне 1812 императорская Гвардия, двенадцать армейских корпусов, в том числе один австрийский, четыре корпуса резервной кавалерии пересекли границу на Немане и вступили в Россию. В мае 1811 111-й [полк] находился в Германской армии в составе дивизии Фриана: 1-й, 2-й и 3-й его батальоны в Магдебурге, 4-й в Спире, как и 5-й, который являлся батальоном депо. На 5 июля 111-й линейный был силой в 2863 чел., включая офицеров. Он принадлежал к 1-му корпусу «Великой армии»: 5-я дивизия генерала Компана: 4-я бригада генерала Лоншана, который прибыл к дивизии в июне (111-й сам по себе составлял бригаду). Полковник Габриэль Жюйе, который им командовал, имел под своим началом пять батальонов: 1-й (667 чел.) под командой шефа батальона Мишеля Ришри, 2-й (645 чел.) – Шарля Гизьяна, 3-й (518 чел.) – Луи Бастиани, 4-й (539 чел.) – Детильера и 6-й (675 чел.) под командой Барроана (?); вторым майором был Фредерик Монтильо.

Вступление в Россию

В феврале 1812, полк пребывал в течение одного месяца в Ростоке, где проводил время в военных упражнениях, выступление состоялось 2 марта, и полк, как и весь корпус маршала Даву, численностью более 70.000 чел., тронулся в путь. Несмотря на союз с Пруссией, жители этого региона смотрели на французские войска с ненавистью. Полк постоянно менял свои квартиры: 10 апреля он направился к Висле, чтобы занять кантонир-квартиры. Главная квартира дивизии была возле Мариенвердера, а квартира Даву – в Торне. 24 апреля дивизионный генерал Компан провёл смотр полку; он имел «прекрасную униформу и аккуратное единство», которые доставили ему похвалы генерала. В тот момент 111-й был силой в 4200 человек, включая полковую артиллерию. 3 мая выступили с квартир в направлении Эльбинга, где размещался Даву. 15-го маршал провёл вновь смотр полку; полковнику Жюйе, друг которого много рассуждал о политике, вызвал раздражение Даву, который суворо заметил ему, что он желает иметь не дипломата, а офицеров. 9 июня Луи Гардье был в Кёнигсберге; 14-го дивизия была в Гумбинене. 24 июня состоялся переход Немана; палатки императора были расположены напротив шести мостов, наведённых ночью на этой реке. Всё было покрыто людьми, оружием, лошадьми и артиллерией. Полк располагался биваками в двух льё от Ковно.

После Немана

Границу России перешли в Ковно. 111-й двинулся в направлении Вильны. Город очаровал офицеров и солдат своей торговлей, своим университетом, азиатскими костюмами евреев и всеми контрастами нравов. Полк прошёл в стороне от города, не останавливаясь. К 1 июля дивизия уже оставила позади 4000 человек; полк, со своей стороны – более 500, которые вернулись лишь значительное время спустя. С начала июля жара стала невыносимой, солдаты находили лишь гнилую и заражённую воду. 10-го полк прибыл в Минск, перед которым обнаружил регулярный лагерь, бараки в котором, вроде тех, что были в Булонском лагере, но немножко похуже. 12-го был большой парад элитных рот на площади Минска; маршал осыпал упрёками 33-й лёгкий [полк] из-за отсутствия множества солдат. Проблемы с водой постоянно возрастили; солдаты находили лишь плохую воду. Молодые солдаты,

которые утоляли жажду этой водой, падали, поражённые удушьем, но они вновь приходили в себя, когда им давали понюхать одеконол. 19-го полк был в Могилеве, где имело место серьёзное дело. В конце месяца, пройдя через Оршу, полк был вынужден сделать остановку, чтобы восполнить запасы продовольствия. Луи Гардье в это время соорудил навес 14 футов в диаметре из материи, принесённой мародёрами из одного поместья.

Марш на Смоленск

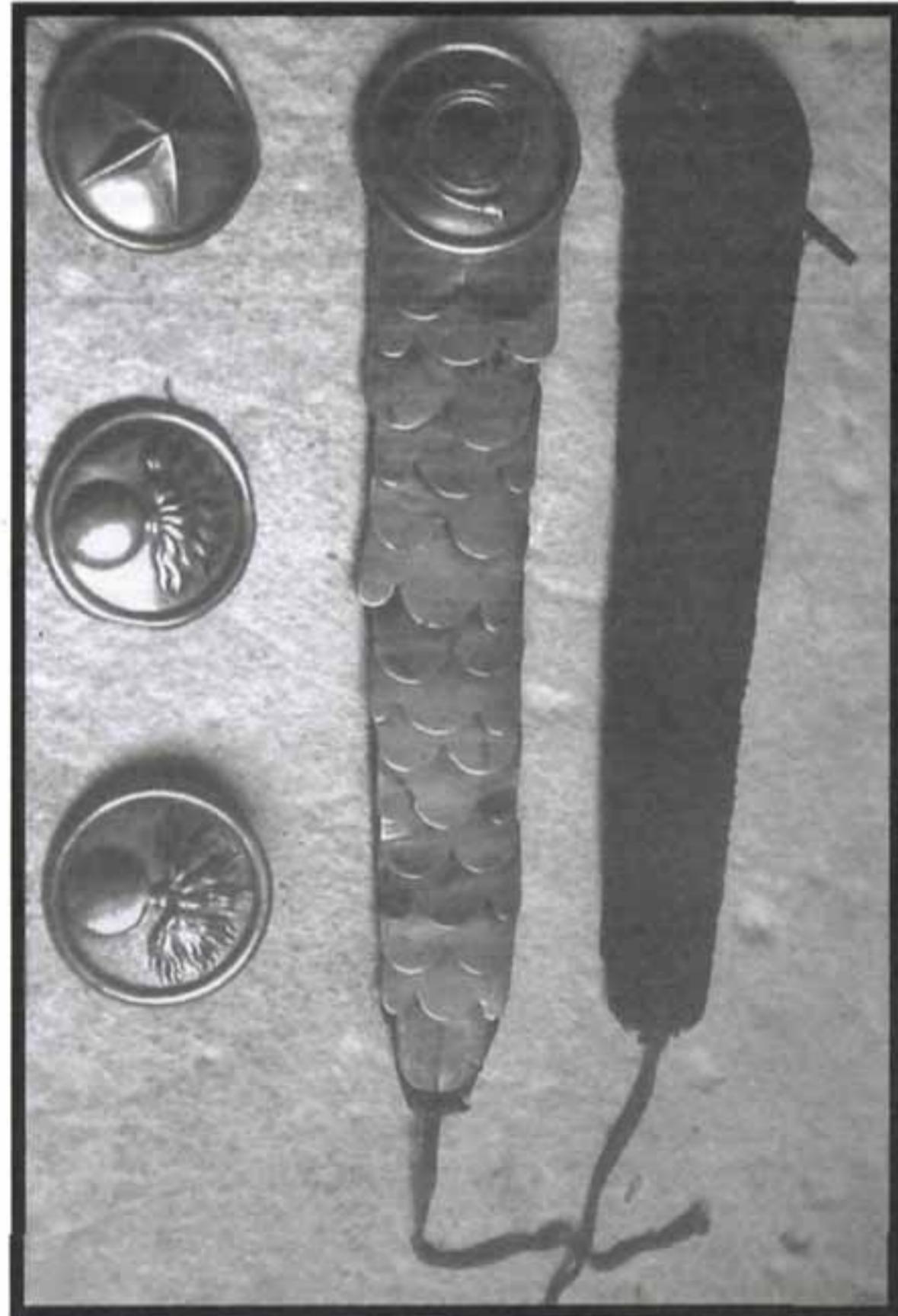
13 августа снова выступили и пересекли Днепр по нескольким мостам, чтобы двинуться на Смоленск. Как всегда, продовольствие недоставало, за исключением 16-го, когда полк получил хороший свежий хлеб и потребил его вместе с водкой. 17-го был генеральный штурм города. Три первых дивизии 1-го корпуса серьёзно пострадали. Луи Гардье прогуливался по городу вместе с другом-офицером и внезапно повстречал императора, сопровождаемого группой штабных офицеров. Увидев их живущими, Наполеон спросил, что это такое. Они ответили, что это фиги. Он их попробовал, нашёл их вкусными и велел их охранять. Город был захвачен, армия снова двинулась в путь. Дороги были покрыты тонким слоем пыли, которая вздымалась в облака. Города были редки, и нечего было купить. 22 августа 5-я дивизия 1-го корпуса, часть которой составлял 111-й, была временно поставлена под команду Мюра, который командовал авангардом армии. 29-го полк прибыл в Вязьму, где нашёл довольно значительные запасы муки, мыла, водки, лекарств и т.д. Русские подожгли город, и двум батальонам 25-го линейного было поручено потушить огонь. 1 сентября полк находился в Гжатске, который противник также предал огню.

Габриэль Жюйе, полковник 111-го

Габриэль Жюйе родился в Дижоне 27 июня 1764, его отец был нотаблем города. Он стал солдатом 4 сентября 1792, капитаном 15-го и вторым подполковником на следующий день в 6-м батальоне волонтёров Сона и Луары. Габриэль Жюйе проживал недалеко от Живри (деп. Сона и Луара) в Святой Елене, предопределённое название... Он служил в Рейнской армии в 1792-1793, стал шефом батальона в 169-й полубригаде в 1794 и был послан в Мозельскую армию, затем в Самбро-Маасскую, но в мае 1796 подал в отставку. Назначенный адъютантом генерала Дюэма в декабре следующего года, он стал шефом батальона в 38-й полубригаде в июле 1799, затем в 50-й в сентябре 1800. Он служил в Дунайской, Гельветической и Рейнской армиях. В 1805 он состоял в 6-м корпусе «Великой армии» маршала Нея, в ноябре был ранен в Тироле. Штатный майор 8-го пехотного в мае 1806, он стал вторым полковником в апреле 1811. Он был назначен полковником 111-го линейного 7 сентября 1811 – ровно за год до сражения на Москве-реке – и проделал кампанию в России. Он участвовал со своим полком в сражении под Москвой, где под ним была убита лошадь. Во время отступления он был ранен пулей в левое предплечье при Вязьме 3 ноября. Он умер вследствие своих ранений на биваке возле Вильны 10 декабря 1812. Он был рыцарем Почётного легиона с 14 июня 1804 и офицером – с 10 октября 1812. Полковник Шарль Холти, принявший 1 апреля 1813 командование 111-м полком, последовал по его стопам – он скончался в Гамбурге 25 января 1814 вследствие своих ранений.

Шевардинский редут

Русские построили редут, вооружённый восемью артиллерийскими орудиями, и прикрывавшийся массами пехоты, возле деревни Шевардино; он образовывал передовой пост перед Багратионовыми флешиш и Большого редута. 5 сентября Наполеон прибыл к этой позиции; он имел под рукой кавалерию Мюра и 5-ю дивизию 1-го корпуса под командованием генерала Компана. Приближался конец дня, и Мюра заставил русскую кавалерию отступить и «очистил» местность для нашей пехоты. Наполеон отдал приказ захватить эту позицию. Компан разместил свои войска: несколько больших пушек 12 [фунтовых] и некоторое количество стрелков, задачей которых было убить неприятельских артиллеристов. После весьма оживлённой канонады между двумя армиями, Компан развернул свои войска: 57-й и 61-й на правом фланге, 25-й и 111-й на левом. Следовало спуститься в небольшой овраг и вновь взобраться на другую его сторону. Русская пехота располагалась с обеих сторон редута. Наши войска выдвинулись и начали обмениваться ружейным огнём с русскими. Компан полагал тогда, что будет достаточно одной мощной штыковой атаки, но посреди грохота и дыма его приказ не был понят. Тогда он пустился галопом к 57-му, который был ближе всего к редуту, и сам повёл его. Штыковая атака была направлена на гренадеров Воронцова и принца Мекленбургского. 57-й опрокинул неприятельскую линию, и его примеру тотчас последовал 61-й, находившийся сбоку. Слева 25-й и 111-й захватили правую часть редута, а русские канониры были почти все убиты у своих орудий. Во время этой атаки 111-й слишком далеко продвинулся вперёд и был атакован кирасирами Дуки; он построился в каре и сам отбил атаку неприятеля, хотя полк «Жозеф Наполеон» двинулся ему на помощь. Несмотря на это, он потерял обе своих маленьких пушки полковой артиллерии. Редут был взят, но цена победы оказалась очень высокой.

Подбородочный ремень кивера и модели розеток:
вольтижера (розжок), фузилера (звезда), гренада рядового,
grenade officera (частная коллекция)

Луи Гардье рассказывает

Интересно послушать очевидца Луи Гардье, который участвовал во взятии Шевардинского редута. «Неприятель занимает редуты и укрепления на выгодной позиции. После действий на ощупь в течение двух часов, наша дивизия получила приказ атаковать первый выдвинутый вперёд редут. Король Неаполитанский, который командует этим предприятием, велел поддержать это движение дивизией лёгкой кавалерии на нашем правом фланге и батареей лёгкой артиллерии. Соединённые вольтижёры и часть 61-го [полка] атакуют редут, который защищают 8 артиллериических орудий и массы пехоты. В этот момент мы поддерживаем это движение, составляя резерв. Однако, наша позиция, развернутая для сражения перед редутом, становилась неудобной по причине потерь, которые она нам причиняла. Одна граната упала под брюхо лошади полковника, не причинив ему ни малейшего вреда. Мы получили приказ от начальника штаба дивизии Симера вклинившись в линию русских, которая находилась перед нами между редутом и горящей деревней. Вследствие этого мы направляемся в сомкнутой колонне и наступаем с ружьями наперевес под градом пуль, выставив штыки, которые тотчас введены в дело передовым дивизионом. Капитаны - командиры дивизионов не могли услышать приказов, старшие адъютанты были вынуждены вести дивизион за дивизионом в линию сражения. Уже совсем наступила ночь, когда появилась дивизия русских кирасир, которые называли себя союзниками и которые действительно были похожи на саксонских кирасир. Полагая, что они прибыли, чтобы атаковать неприятеля, мы спешим позволить им пройти через наши ряды. Они построились позади нас и, когда привели себя в порядок, напали на нас и изрубили всех, кто мог попасть под их удары. Поэтому мы бросаемся, насколько возможно быстро, во фруктовый сад, который находился позади нас и напротив горящей деревни. Огонь, который мы ведём оттуда, отгоняет неприятеля; но вред, который он причинил нам, был уже слишком велик, пятнадцать офицеров и около тысячи человек и наша артиллерия, которые пустились по оврагу, дошедшему до деревни, стали жертвами этой злополучной ошибки».

7 сентября: битва у Москвы-реки

Полк оставался на отдыхе и видел русских, занимавших свои укрепления. Дивизия Компана вновь должна была атаковать и захватить первый редут. 25-й линейный и 1-й батальон 111-го захватили редут; 2-й батальон следовал, чтобы поддержать это движение; 3-му, в котором находился Луи Гардье, было поручено поддержать артиллерийскую батарею и оттеснить русских стрелков. 4-й и 6-й батальоны с полковником и генералом находились позади, на опушке леса. Маршал Даву, командующий 1-м корпусом, был легко ранен, и маршал Ней принял командование. Луи Гардье сопровождал его, и тот поручил ему поехать пробудить энергию вестфальцев, потребовав от них «брать пример с армии французов и стараться быть более достойными сражаться среди них». Несколько мгновений спустя наш офицер был ранен пулей, которая сломала ему нижнюю часть левой ноги. Он был отвезён в тыл к своему полковнику, баталия для него закончилась. На следующий день он присоединился к экипажам (фургонам) полка, которые были укрыты в лесу, чтобы избежать [нападений] казаков. В своём недавнем и очень интересном труде «Москва-река» доктор Уртуль приводит следующие цифры, касающиеся 111-го [полка]. 5 сентября 4 офицера и 82 солдата были убиты, 15 офицеров и 540 солдат были ранены, 33 солдата были взяты в плен и 138 пропали без вести. 7 сентября, в день генерального сражения, полк имел 1 офицера и 38 солдат убитыми, 6 офицеров и 270 солдат ранеными. Последние потери являются относительно скромными для такого ужасного дня в сравнении с теми, которые 111-й понёс накануне; это можно объяснить тем, что полк был размещён для поддержки артиллерии, другой части полка было поручено прогнать русских стрелков с нашего правого фланга.

111-й в Москве

Армия прибыла в русскую столицу 14 сентября. Город изобиловал различными продуктами: вином, водкой, но солдаты были настроены скептически, так как наступавшее время года заставля-

Образец накладки на патронную суму (114-го линейного полка): этот аксессуар не был регламентирован во французской армии, но многие солдаты носили его для прикрытия патронной сумы

ло их сомневаться в последующих событиях. Гвардия была размещена в городе вместе с 1-м и 3-м корпусами, за исключением 111-го, который постоянно оставался в лагере у Можайска. 23 сентября покинул свою позицию и разместился в городе на квартирах, которые покинул корпус маршала Ней. 1 октября Даву приказал собрать командиров отрядов, чтобы узнать о состоянии обмундирования, обуви и продовольствия. Рабочим по железу было поручено изготовить тормозные колодки для артиллерийских повозок, подковные железные гвозди для лошадей и маленькие портативные мельницы для помола зерна. 15, 16 и 17 октября император провёл смотр всем войскам, которые находились в Кремле. По сообщениям очевидцев, женщины московитов были скромны настолько, что не выходили замуж, но вследствие этого они предаются унизительному разврату ради секса, поскольку они проводят своё время в принятии ежедневных парных бань, напиваются утончёнными винами, изнеженно отдыхают на больших диванах и принимают там мужчин, заплативших за их услуги. Мужчины, со своей стороны, имеют отдельные дома и видят своих женщин только в дни больших приёмов. Доктор Ургуль говорит, что в Москве 111-й насчитывал всего 53 офицера и 1651 нижнего чина.

Начало отступления

Армия оставила Москву около середины октября. 111-й покинул русскую столицу 19-го. Генералы были вынуждены пронумеровать повозки, которые следовали за армией, классифицировав их по «по качеству содержащихся в них особ». Когда войска прибыли в Можайск, служащие по продовольственной части, вместо того, чтобы произвести распределение, продавали провиант. Начиная с 22-го, холод становился всё чувствительнее. В Гжатске Луи Гардье завязал дружбу с одним шефом батальона своего полка, который был ранен, и оба человека решили объединить свою провизию и помогать друг другу. Через небольшие этапы прибыли в Смоленск в конце месяца, но остановка была краткой, и следовало снова выступить при морозе, который становился всё более крепким. Здесь узнали, что полк серьёзно участвовал в деле под Вязьмой 3 ноября, что полковник Жюйе ранен – он умрёт вследствие своих ранений –, что 30 офицеров и около 500 нижних чинов выбыли из строя.

На пути к Березине

Русские заняли город Борисов и тет-де-пон на реке Березина. Французы массами стали прибывать к этому городу. Польские уланы, чтобы раздобыть себе жилища, провели несколько «houras» (небольшие атаки) и таким образом прогнали тех, кто занимал дома,

которые они затем захватили. 22 ноября 2-й корпус под командой Удино прибыл в Бобр; 24-го Луи Гардье заметил прибытие полковника Жюйе, который ещё командовал полком, и майора Монтилья, грязного, пыльного и с длинной бородой; они были очень голодны. До Орши 1-й корпус образовывал арьергард армии. 24-го Луи Гардье, полковник Жюйе и шеф батальона Монтилья провели ночь в квадратном доме, со стороной длиною в двенадцать футов, вырядились во всё лучшее, что у них было, и Луи Гардье разделил своё оставшееся бельё с полковником, который потерял свои экипажи. Двое его слуг, сопровождавшие его повозку, были убиты возле Орши; остатки его вещей были похищены. 25-го спозаранку трио тронулось в путь; вечером у Гардье были украдены седло с его лошади и различная посуда, необходимая для кухни.

Переправа через Березину

Вечером 27 ноября Гардье и его коллеги прибыли к деревне Студзянке, перед которой были сооружены два моста. Одна полковая маркитантка вовсе не испугалась, вырвала ружьё у бегущего солдата, направила на группу казаков и убила одного из них. Другие солдаты 111-го поддержали её, и группа казаков удалилась. В это время французская армия была зажата на этой позиции, и переправа через реку становилась всё более трудной. Гардье оставил свою повозку и в сопровождении полковника попытался пройти к мотам на лошади посреди сутолоки. Толпа давила безо всякой дисциплины, один солдат воткнул штык в лошадь Луи Гардье, чтобы расчистить проход для себя; взамен он получил сильнейший удар костылём по голове, который вызвал кровотечение. После многочисленных усилий наши герои добрались до другого берега реки и нашли на другой стороне 300-400 солдат 111-го. Переход через реку длился пять часов... Было 14 часов.

Отступление продолжается

Движение было продолжено при непереносимом морозе (мочью он составил не менее 24 градусов), и Луи Гардье, будучи раненым в ногу, не мог более держаться на лошади. После переправы армия разделилась на две группы; одна часть пошла по дороге из Минска, которая проходила посреди лесов и болот; артиллерия и экипажи взяли путь на Вильно, который был лучше. 30 ноября мороз остался таким же сильным, но погода была ясная. Солдаты были одеты в одежду женщины, господ, священников, евреев и крестьян. Некоторые из них укрывались одеялами, и Гардье говорит, что всё это походило бы на бал маскарад, если бы все эти тряпки не были столь отвратительны. Но солдаты всё ещё сохранили чувство юмора, и если спрашивали новости о человеке, который умер, в ответ слышалось: «он остался кристалзованным в таком-то месте». Во время этого отступления одни только поляки сохранили порядок и дисциплину. Один генерал присел возле костра и снял свои сапоги для верховой езды, и их моментально украли. Он вынужден был отрезать концы своей шинели, чтобы сделать некое подобие обуви. 3 декабря Луи Гардье встретил неаполитанские войска, хорошо обмундированные и на хороших лошадях, но некоторые из них уже были обморожены...

Прибытие в Вильно

Перед прибытием в столицу Литвы дорога оказалась покрытой повозками, нагруженными военными вещами и продуктами, которые были направлены к армии, но также быстро вернулись назад. Всё было быстро разграблено изголодавшими солдатами в лохмотьях. Луи Гардье узнал от старого генерала, что полковник Жюйе ехал в одном из фургонов короля Неаполитанского, и что бесполезно его дожидаться. Гардье повстречал тогда офицера по обмундированию 111-го [полка], который имел под своей ответственностью магазин с обмундированием для полка, который он привёз из Данцига. Чтобы не потерять его, вещи были отосланы на повозках туда, откуда они прибыли. Небольшое войско направилось теперь в направлении Ковно. В начале декабря мороз продолжал оставаться сильным, но люди уже стали к этому привыкать. Но многие лошади падали плашмя от усталости. 8 декабря солдаты повстречали вновь прибывших офицеров, занимавшихся присоединением военных к их соответствующим корпусам, но недисциплинированность была настолько велика, что отступавшие бедные солдаты плохо им повиновались.

Армия покидает Россию

9 декабря 111-й перешёл Неман возле Средников, небольшого городка, расположенного на правом берегу. Луи Гардье оставил нам описание русских: «Они носят одежду из шкуры барана или более дорогой в соответствии со своим положением в обществе и личными средствами, такую же высокую овчинную шапку, слегка похожую на кивер, полотняные штаны, поверх которых надевается рубашка; одежда стягивается кожаным поясом, шириной в ладонь, застёгивающимся пряжкой; их обувью являются туфли, сделанные из бересты, хорошо обтягивающие ноги; они удерживают кожаными шнурками полотняные лоскуты, которые служат им в качестве чулок. Женщины носят такой же костюм, за исключением нижней юбки вместо панталон, и они не носят корсетов. Все мужчины носят бороды и усы, за исключением господ».

Потери в России

Благодаря замечательному труду Аристида Мартиньена известны имена и количество офицеров 111-го, убитых и раненых в течение кампании. 27 августа перед Вязьмой были ранены капитан Боди и лейтенант Риччи. 5 сентября, в день взятия Шевардинского редута, полк потерял убитыми капитанов Рабена и Пекуля и лейтенанта Тестю-Дельгуо; ранены были капитана Эула и Зикко, а также лейтенант Торелли и су-лейтенанты Камю и Лассен. Спустя два дня имело место большое сражение на Москве-реке. Полк потерял капитанов Арно, Морелли, Рэ, лейтенантов Бюона (умер 25-го), Кампана (умер 10-го), Демазьера (умер 17 октября), Тюерти (умер 25-го), Вагнера (умер 5 октября); в числе раненых находились шеф батальона Ришри, капитан старший адъютант Гардье — наш мемуарист, капитаны Альбазио, Альбасо, Боннар, Леони, Рикар, Тарабр, Эула, Вакка, Виари, Вольф фон Востероде, лейтенанты Колле, Лассен, Торелли, су-лейтенанты Дрюе, Жюрьетти, Меркантен, Озелла, Розетти и Вольдан.

23 октября возле Малоярославца был ранен капитан Виттонато, 2 ноября у Колоцкого монастыря казаками был убит лейтенант Дечвери. В ходе отступления 3 ноября при Вязьме полк потерял капитанов Баленьо, Бастеро, лейтенантов Лароша, Морессио, су-лейтенантов Виллуэна (умер 11-го), Дюпора (умер 20-го), Жюльсона (умер 8-го), Мозера и хирурга Убертини; ранены были второй майор Де Монтильо, лейтенант Фолли и су-лейтенанты Бофрано, Кардон, Дрюэ и Вайра. 17 ноября потерял вновь полковника Жюйе и су-лейтенанта Долеати, смертельно раненого; были ранены шеф батальона Гюзианья, лейтенанты Лафон, Казалоне, Вольдан, су-лейтенанты Арто, Фассио и Гельма. 23 ноября был смертельно ранен су-лейтенант Паже, 24-го в бою у Минска ранен капитан Дено, 25-го в стычке с казаками — капитан Кашило. 9 декабря возле Вильнюса был ранен шеф батальона Лебро. 10 декабря там же был ранен су-лейтенант Вайра. Всего 75 офицеров, из которых 22 убиты или смертельно ранены. Потери чрезвычайные.

Из Пруссии в Майнц

14 декабря Луи Гардье прибыл в Гумбинен; жители смотрели на выживших как на людей, явившихся из другого мира; пруссаки оскорбляли солдат. Во время отступления часть войск стала жертвой дурного обращения жителей. 16-го он прибыл в Кёнигсберг; в городе царило величайшее замешательство: нагромождение повозок, любопытные, праздношатающиеся, раненые, больные. Оттуда дорога вела в Браунсберг (Браньево), затем в направлении на Эльбинг (Эльблаг). 2 января Луи Гардье двинулся в путь через Мариенбург, Торн (Торунь), Грауденц и Кульм. В Вилежине он присоединился к остаткам полка. К полку присоединилась рота из 150 чел., которая была оставлена в гарнизоне Торна. 10-го в войсках, находившихся в Торне, было распределено оружие; офицера двигались в рядах, как простые солдаты. Остатки полка тогда были направлены в депо в Спире в Германию, пройдя через Люббен в Саксонии, затем Эрфурт. Саксония, союзная страна встретила солдат доброжелательно. Королевский ордоннанс предписал выдавать по десять франков в день всем французским офицерам и по половине бутылки вина. Солдаты были встречены жителями также хорошо. 8 февраля 1813 Луи Гардье прибыл в Майнц; 12-го он поступил в военный госпиталь и нашёл там некоторое число калек на костылях. Кампания в России надолго осталась в его памяти.

Симон Луи Гардье

Наш мемуарист родился в Страсбурге 16 августа 1787. В возрасте 16 лет поступил в 55-й линейный полк 8 апреля 1803. Он был произведен в каправлы 10 июня 1804 и в это время служил в Ханноверской,

Фузилер линейной пехоты в Дрездене в 1813 г. Маргеран

затем в Багавской армии; он был произведен в каптенармусы 8 августа 1804. 2 июня 1806 он перешёл в 8-й линейный, служил в 6-м корпусе Великой армии в конце года и был произведен в сержанты 11 марта 1807, а спустя пятнадцать дней — в старшие сержанты. Произведённый в су-лейтенанты 27 октября 1808, в лейтенанты 11 июля 1810, он служил в Испании с 1808 по 1811. 2 февраля 1812 он стал старшим адъютантом и проделал кампанию в России. Капитан со 2 августа 1813 он служил до 1 июня 1814, окончания кампании во Франции. В эпоху Стадион он вернулся в армию, в 4-й корпус, а 1 мая 1815 перешёл в 59/63-й линейный, но 1 сентября был отправлен в отставку. Он находился в бессрочном отпуске после 13 лет и 6 месяцев службы. 1 сентября 1819 он стал капитаном по замещению кадров в легионе Мозеля. 20 января 1830 он женился на Франсуазе Пуано, родившейся в Мороже. Уволенный в отставку, он вернулся к своему очагу с пенсийей в 1764 франка; по королевскому ордоннансу от 28 октября 1833 он был произведен в рыцари ордена Почётного легиона. Тогда Гардье исполнял должность сборщика налогообложения в коммуне Брансьона (департамент Сона и Луара). Он умер 3 августа 1864, его могила, надпись на которой повреждена временем, хорошо видна со стороны церкви.

Его мемуары не упомянуты ни в *Nouvelle bibliographie critique des mémoires* Жана Тюлара (Droz, Genève, 1991), ни в дополнительной публикации в *la Revue de l'Institut Napoléon*. Они были переизданы библиотекой Teissedre (Paris). В 1812 Симон Луи Гардье был лейтенантом 4-й роты 1-го батальона 111-го линейного (Dossier du S.H.A.T.).

Источники и библиография: SHAT - Dossier du 111e de ligne (Xb 534). De Rossi Eugenio. Il 111° Di Linea dal 1800 al 1814 // Scuola Di Guerra. Gardier Louis. Journal de la Campagne de Russie en 1812 // Annales de l'Académie de Mâcon, t. XVII. 1912; переиздание: Teissedre, Paris, 1999. Hourtouille F.G. La Moskowa Borodino. La bataille des redoutes. Paris, Histoire et Collections 2001. Martinien Aristide. Tableau des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire (1805 - 1815). Pigeard Alain. Dictionnaire de la Grande Armée. Paris, Tallandier, 2000. Pigeard Alain. Dictionnaire des batailles de Napoléon. Paris, Tallandier, 2004.